

Шэнь Нянь не поддавался слабости. До Нового года оставалось почти два месяца, но за всё это время он так ни разу и не переступил порог дома. Шэнь Чуншань пару раз навещал его в школе, и сын выходил к нему, но принесённый отцом пуховик брать отказался, проносив всю зиму старую куртку, которая давно стала ему мала.

К счастью, без тяжелого домашнего гнёта жизнь в школе наладилась. На его лице снова стали появляться улыбки, хотя задумывался он теперь куда чаще обычного. Когда Лян Цю спрашивал, о чём тот грезит, Шэнь Нянь лишь рассеянно качал головой: он ни о чём не думал, да и не о чём было.

Шэнь Нянь по-прежнему избегал спорта, его жизнь сводилась к размеренному маршруту «общежитие — класс». В свои четырнадцать он казался человеком, чья судьба уже бесповоротно застыла в унылом покое, не обещавшем никакой радости.

Если бы мог, он прожил бы так ещё долго, но пришёл черед экзаменов, а следом за ними нагрянули и зимние каникулы. На этот раз общежитие, выручавшее его по выходным, закрывалось полностью.

Лян Цю звал его к себе, предлагая встретить праздник вместе, и Шэнь Нянь знал: друг говорит от чистого сердца. И всё же он не мог принять предложение. Как ни крути, Шэнь Чуншань растил его четырнадцать лет. Пусть из-за Гу Чжи прежний мир в доме рухнул, в душе Шэнь Няня отец всё ещё оставался близким человеком — пусть даже надежд на него больше не было никаких.

В обычные дни можно было не появляться, но на Новый год вернуться следовало.

К счастью, сидеть в четырёх стенах целыми днями не приходилось. Шэнь Нянь нашёл подработку: родители одного из соседей по комнате попросили подтянуть их сына за каникулы. С тех пор как Шэнь Нянь перебрался в общежитие, этот парень благодаря его помощи заметно преуспел в учёбе. Чтобы за длинные праздники тот не растерял знания, репетиторство решили продолжить — разумеется, платно, по двадцать юаней в день. Шэнь Нянь охотно согласился.

Для него это был идеальный выход: и законный повод не бывать дома, и собственные карманные деньги.

Когда он вернулся домой, ни Шэнь Чуншаня, ни Гу Чжи не оказалось. Спустя два месяца перерыва возвращение не вызвало никаких особых чувств. Шэнь Нянь достал из шкафа постельное бельё, прибрался в комнате, но чемодан разбирать не стал — так и оставил стоять в углу, сам толком не понимая зачем.

День ещё только разгорался, и Шэнь Нянь решил навестить бабушку Цинь. Лишь увидав массивный замок на её двери, он вспомнил: старушка уехала к дочери и, скорее всего, больше не вернётся.

На душу набежала лёгкая грусть, но мысль о том, что бабушка Цинь наконец получила жизнь, о которой так долго мечтала, принесла утешение. Должен же хоть кто-то из окружающих становиться счастливее — тогда и появится вера, что подобная удача когда-нибудь улыбнётся и тебе.

В тот день ни Шэнь Чуншань, ни Гу Чжи так и не появились до самого вечера. На кухне стояла пугающая пустота, будто здесь уже давно никто не готовил. Не став ждать, Шэнь Нянь сходил в лавку на углу, купил продуктов и состряпал ужин. Он приготовил с расчётом на троих, но даже к девяти часам вечера никто не пришёл.

Не вернулись они и на следующий день.

Шэнь Нянь пытался дозвониться до отца, но тот не брал трубку. Когда тревога готова была перерасти в панику, мальчик столкнулся с соседом, дядей Чжаном. Именно он устроил Шэнь Чуншаня на подработку на фабрику, поэтому прекрасно знал, где тот находится.

— Отец твой уехал развозить товар, — пояснил он. — Последний рейс перед праздниками. Оставлять Сяо Чжи одного дома не решился, вот и взял с собой.

Шэнь Нянь вздохнул с облегчением:

— Спасибо, дядя Чжан.

Шэнь Чуншань и Гу Чжи пропадали больше недели, вернувшись лишь за семь дней до Нового года. Шэнь Няня целыми днями не было дома: репетиторство, собственная домашняя работа — дел хватало с избытком.

Он вернулся уже в темноте. Из окон кухни лился тёплый свет, доносился оживлённый гомон и смех — отец с Гу Чжи наконец приехали.

По дороге домой Шэнь Нянь чувствовал сильный голод и даже успел придумать себе ужин: поджарить пару оставшихся с утра паровых булочек маньтоу. Но теперь, стоя посреди маленького двора, он вдруг осознал, что аппетит пропал начисто.

Он не представлял, как сядет с ними за один стол и с каким выражением лица встретит их взгляды.

Простояв так несколько минут, он промёрз до костей. Дольше оставаться на холоде было нельзя — не хватало ещё свалиться с лихорадкой. Шэнь Нянь решил не мучить себя: встречи всё равно не миновать, рано или поздно придется зайти.

Поднявшись по ступеням, Шэнь Нянь вошёл в западную пристройку и отдернул занавеску. Разговоры в столовой тут же стихли, Шэнь Чуншань и Гу Чжи одновременно повернули головы

к нему.

— Папа, — поздоровался Шэнь Нянь.

Почти два месяца разлуки, да ещё и после ссоры... Взгляды пересеклись, натянутость и неловкость зависли в воздухе. Шэнь Чуншань, явно чувствуя себя не в своей тарелке, выдавил подобие улыбки:

— Где ты был? Видел твои вещи в комнате... Каникулы уже начались?

— Да, — тихо ответил Шэнь Нянь. — Занимался с одноклассником.

Шэнь Чуншань кивнул и поднялся со стула:

— Ел? Присаживайся, поужинай с нами.

С той секунды, как Шэнь Нянь вошёл в столовую, Гу Чжи не сводил с него глаз. Трудно было сказать, повлиял ли на него разговор с Шэнь Чуншанем, удовлетворил ли двухмесячный отъезд брата, или же он окончательно решил, что Шэнь Нянь больше не представляет для него угрозы. Но болезненная, нездоровая жуть, раньше искажавшая взгляд Гу Чжи, почти развеялась. Впрочем, кто знал, не вернётся ли она вновь теперь, когда он опять здесь?

Шэнь Нянь, хоть и был голоден, качнул головой:

— Я поужинал у одноклассника. Ешьте, я пойду к себе.

Не дожидаясь ответа, он повернулся и вышел. Шэнь Чуншань не стал его удерживать, но, опустившись обратно на стул, к еде больше не прикоснулся. Гу Чжи скользнул взглядом по смурному лицу отчима, промолчал, но настроение его заметно испортилось.

Шэнь Няня не волновали чувства Гу Чжи. Вернувшись к себе, он ощутил, как тяжесть давит на грудь. И прежде этот дом не дарил ему радости, но теперь здесь стало совсем нечем дышать. Что ж, оставалось только учиться относиться ко всему проще.

«Вот начнётся учёба — и станет легче, я снова останусь один.

Вот вырасту — и всё наладится, у меня появится собственный дом.

Пусть даже в этом доме я буду совершенно один».

На следующее утро, когда Шэнь Нянь собрался выходить, Шэнь Чуншань готовил завтрак.

Увидев укутанного и готового к выходу сына в столь ранний час, он удивился:

— Уходишь?

— Да, — безучастно отозвался Шэнь Нянь. — Позанимаюсь с одноклассником и вернусь к вечеру.

Не давая отцу расспросить подробнее, он прошмыгнул за дверь.

Вплоть до самого праздника Шэнь Нянь жил в таком ритме. Дома он практически не появлялся: даже в те редкие дни, когда занятий не было, он закрывался у себя в комнате или уходил в библиотеку. С Шэнь Чуншанем и Гу Чжи он едва ли пересекался.

Он вроде бы вернулся, но присутствие его в доме было лишь призрачным.

Выходил он только тогда, когда отец звал к столу. Однако после трапезы всегда молча мыл посуду, словно пытаясь провести между собой и ими невидимую черту. Если прошлые долги отдать уже не удастся, то хотя бы новых делать не стоило.

В канун Нового года Шэнь Нянь остался дома и прятаться по углам не стал — в праздник это выглядело бы совсем нескладно. Он собирался помочь отцу убрать двор, наклеить на окна бумажные узоры и праздничные парные надписи, но Гу Чжи хвостиком ходил за Шэнь Чуншанем, не отступая ни на шаг. Своей шумной заботой он создал вокруг отчима такой плотный кокон, что постороннему туда было просто не пробиться.

Шэнь Няню ничего не оставалось, кроме как навести порядок в жилых комнатах. Едва он закончил, отец с Гу Чжи взялись лепить цзяоцзы. Шэнь Чуншань трудился за двоих, пока мальчишка скорее мешал, чем помогал, но лицо отца светилось таким теплом, словно любые проказы Гу Чжи были ему только в радость.

Вымыв руки, Шэнь Нянь подошёл к столу. Гу Чжи уставился на него пристальным, тяжелым взглядом, но Шэнь Нянь продолжал с той же размеренностью раскатывать сочни из теста, всем видом показывая, что не замечает этого внимания.

Когда за окнами загремели хлопушки и рассыпался первый салют, пришло время варить цзяоцзы. Кухня наполнилась густым паром, оконные стёкла мгновенно запотели. Шэнь Нянь подошёл и смахнул влажную пелену — оказывается, снаружи вовсю валил снег. На душе у него отчего-то стало светлее. Хотя бы ради наступающего года, ради нового начала стоило отпустить грусть.

После ужина делать было нечего. Гу Чжи с Шэнь Чуншанем уселись у телевизора смотреть новогодний концерт. Шэнь Нянь к этому зрелищу был равнодушен, да и намеренно сторонился чужого веселья: чужая радость лишь острыми иглами подчёркивала его собственное

одинокчество. Он ушёл к себе и принялся за задачки.

Впрочем, сосредоточиться в праздничную ночь всё равно не получалось. Зато за окном один за другим вспыхивали яркие огни, и он долго смотрел на расцветающий в небе салют.

Легкий стук в дверь заставил его очнуться. На пороге стоял Шэнь Чуншань с фирменным пакетом в руках — логотип на нём Шэнь Нянь узнал сразу.

— Ты всё время был занят, вот я и не мог вручить, — произнёс Шэнь Чуншань, проходя в комнату и опуская пакет на кровать. — Носи на здоровье, а то твоя совсем тесной стала. Я поговорил с Сяо Чжи, он больше не будет капризничать.

Шэнь Нянь ничего не ответил. Шэнь Чуншань, почувствовав неловкость, пробормотал: «Ну, занимайся тогда» — и поспешно вышел.

Чуть позже позвонил Лян Цю. Гу Чжи крикнул от двери, зовя к телефону, и Шэнь Нянь вышел в гостиную. Он поздравил с праздником Лян Цю и тётушку Су, а закончив разговор, не стал возвращаться к себе. За окнами снежная круговерть разошлась вовсю.

Шэнь Нянь вытащил табуретку на крыльцо и присел под навесом. Дворик преобразился, укутавшись в ослепительно белое покрывало, а на ветвях деревьев переливались праздничные гирлянды, придавая всему подлинное зимнее очарование.

Он засмотрелся на эту красоту и даже не заметил, как рядом опустился Шэнь Чуншань. Лишь когда отец подал голос, Шэнь Нянь очнулся от задумчивости:

— Няньнянь...

Шэнь Чуншань протянул ему красный конверт:

— Вот, держи. Новогодний подарок.

Помявшись мгновение, Шэнь Нянь принял конверт:

— Спасибо, папа.

Отец мягко улыбнулся и умолк, но уходить не спешил. Шэнь Нянь догадывался, о чём пойдёт речь дальше. Разум шептал, что лучше встать и уйти, однако он остался сидеть, не сводя глаз с плавно падающих снежинок и терпеливо ожидая.

Едва выхваченная взглядом снежинка коснулась земли, Шэнь Чуншань наконец произнёс:

— Няньнянь... Я хочу, чтобы в следующем году ты снова жил с нами. Семья должна быть вместе.

— Не стоит, — ровно ответил Шэнь Нянь. — Мне хорошо в общежитии.

— Ты думаешь, что я бросил тебя из-за Гу Чжи?

Шэнь Нянь качнул головой:

— Вовсе нет.

Шэнь Чуншань хотел было возразить, но сын мягко перебил его. Посмотрев на отца, Шэнь Нянь произнёс:

— Папа, тебе правда не нужно оглядываться на мои чувства, мучиться виной или ступать вокруг меня как по тонкому льду. Мы ведь отец и сын, а не чужие люди.

Чужие люди? Эти слова словно высекли вспышку озарения: Шэнь Чуншань вдруг с особой отчётливостью понял, что их отношения с сыном, вопреки видимой близости, уже давно пропитались холодной чуждостью.

— У меня нет никакой обиды на Гу Чжи, — продолжал Шэнь Нянь. — Напротив, я тебе очень благодарен.

Отец настолько не ожидал этих слов, что онемел, вытаращив на него глаза. Но Шэнь Нянь не стал ничего объяснять, а вместо этого заговорил о человеке, чье имя не произносил уже очень давно:

— В последние дни мне почему-то постоянно снится мама, — тихо произнёс он. — Прошло уже четыре года. Интересно, как она там?

Это был первый раз с момента ухода Ю Сяюэ, когда Шэнь Нянь заговорил о ней. Шэнь Чуншань опешил и лишь спустя целую минуту смог выдавить:

— Наверное... наверное, у неё всё хорошо.

— Да, — кивнул Шэнь Нянь, соглашаясь. — Я тоже так думаю. Она ведь так меня не любила... Без меня ей явно куда лучше, чем было здесь.

— Няньнянь, твоя мама...

— Папа, — снова перебил его Шэнь Нянь и впервые за долгое время мягко улыбнулся. — Я никогда не благодарил тебя. Но раз уж мы наконец сидим вот так спокойно, я хочу сказать спасибо. Спасибо за то, что забрал меня, когда собственная мать отказалась от меня. И за то, что все эти годы хранил для меня место в этом доме.

Шэнь Чуншань вдруг о чём-то догадался, но не успел и рта открыть, как последующие слова мальчика подтвердили худшие опасения.

— Я ведь не родной тебе сын, — ровно произнёс Шэнь Нянь. — А ты столько лет растил меня и заботился обо мне. Спасибо за эти труды.

Отец замер, не в силах вымолвить ни слова от потрясения. Шэнь Нянь же оставался безупречно спокоен. Он вновь перевёл взгляд на танцующий в воздухе снег, и голос его прозвучал тихо, словно шуршание падающих хлопьев:

— Тебе больше не нужно трястись надо мной, пытаться угодить или разрываться между мной и Гу Чжи. У меня нет к тебе никаких претензий, я не в обиде. Сразу после праздников мне исполнится пятнадцать — я уже перерос тот возраст, когда ребенку жизненно необходима родительская любовь.

Шэнь Нянь поднялся. На свежем снегу, припорошившем ступени крыльца, остался чёткий отпечаток его подошвы. Мальчик еле заметно улыбнулся:

— Почему-то между нами всегда стояла какая-то невидимая стена. Изменить это уже вряд ли выйдет, да и стоит ли? Пускай всё остаётся как есть. С появлением Гу Чжи я отчётливо увидел, что между вами есть настоящая родственная связь. Отдай всю отцовскую любовь, что предназначалась мне, ему.

— Не думай больше обо мне, — закончил Шэнь Нянь.

Шэнь Чуншань смотрел на сына, и губы его дрожали, но горло сжал спазм — он не мог произнести ни звука. Однако он кожей ощущал: стоящий перед ним мальчик больше ничего от него не ждёт. Ни капли.

До отца с ужасающей ясностью дошло, сколько всего он упустил и в чём согрешил, но в этот миг всё уже стало необратимым.

— Я говорю всё это не ради упрёка, а просто хочу, чтобы тебе стало легче, — тихо произнёс Шэнь Нянь. — В моём сердце ты навсегда останешься отцом, тут ничего не изменится. — Он слегка качнул красным конвертом в руке: — Спасибо за подарок, папа. С Новым годом.

Шэнь Чуншань так и остался сидеть в оцепенении, а Шэнь Нянь повернулся и пошёл к дому. Впрочем, входя в северные комнаты, он никак не ожидал увидеть в дверях Гу Чжи. Судя по

позе, тот простоял здесь уже долго и успел подслушать почти весь разговор. Хотя, если подумать, чему тут удивляться? С его-то болезненным чувством собственности по отношению к Шэнь Чуншаню подслушивание было самым естественным делом.

Шэнь Нянь ждал, что Гу Чжи по своему обыкновению одарит его враждебным взглядом, без слов требуя держаться подальше от отчима, но мальчишка даже не повеёл бровью.

В его глазах не было дружелюбия, но не было и прежней злобы. Он смотрел на Шэнь Няня так, словно видел его впервые в жизни — с холодным, отстранённым любопытством полного чужака.

<http://bllate.org/book/20601/2132473>